

УДК 321.01

С.В. Голубев

«Конфликтные» концепции власти: ЛОГИКО-ПОНЯТИЙНЫЙ АНАЛИЗ

Исследование феномена власти является, очевидно, одной из самых актуальных проблем социальной науки в обществах, развитие которых опирается, прежде всего, на эффективное государственное управление. К таковым, как известно, относится и Республика Беларусь. Цель настоящей статьи – рассмотреть, используя методы логического и семантического анализа, концептуально-теоретические основания и адекватность понятийного аппарата «конфликтных» концепций власти.

В современной социальной теории можно выделить два основных концептуальных подхода к пониманию происхождения и сущности власти – конфликтный и консенсуальный (или интегративный) [1–2]. Для первого характерно подчеркивание принудительности, «насильственности» власти, эксплицитное или имплицитное утверждение ее произвольности и искусственности, противопоставление подчинения власти и свободы. Второй акцентирует организационную, интегративную функцию власти, ее объективную необходимость и благотворность для социальной жизни. В академическом труде российских политологов «Технология власти» эти подходы характеризуются следующим образом: «власть, в конечном счете, существует только в поле потенциального конфликта (согласно «конфликтному» подходу. – С.Г.) и проявляется в одностороннем отношении, – от причины (власть) к действию (вынужденное изменение поведения слабой стороны)... Точка зрения консенсусной теории власти, согласно которой власть соответствует человеческой способности не только действовать и что-то предпринимать, но и объединяться с другими, действовать в согласии с ними. Властью никогда не располагает кто-то один: она принадлежит всей группе и существует до тех пор, пока группа держится вместе» [1, с. 6]. Далее отмечается, что сравнивая «конфликтное», и «консенсусное» понимание власти, «можно сказать, что в первом случае власть порождает систему (общественных отношений. – С.Г.)... во втором – система порождает власть. Оба теоретических положения могут быть поняты как абстракции двух различных архетипов политической ситуации» [1, с. 7]. Действительно, эти принципиально отличные концепции власти по своей внутренней логике требуют и различных представлений об исходной «политической ситуации», то есть совершенно разного понимания происхождения и сущности политической жизни общества. В случае такой «политической ситуации», когда система политических отношений в обществе возникает в результате действий власти, эта система, поскольку власть сама по себе не действует и ничего не «порождает», по сути, оказывается порождением индивида, его властной воли, которая и становится, тем самым, подлинным и единственным источником власти, основанием политического устройства, да и социальной организации в целом. Это «архетипическое» представление и является фундаментальным для «конфликтной теории» власти.

Для «консенсусной теории» власть есть неотъемлемое свойство социальной системы, а не порождение индивида. Последний не производит, а *получает* власть, занимая определенное положение в рамках непроизвольно уст-

роенного социального порядка. В этом «архетипе политической ситуации» властные отношения складываются естественно-необходимым образом и являются закономерным следствием (и условием) социальной организации.

В современной философии и социальной науке преобладает «конфликтный» подход к пониманию власти, сводящий ее в общем к возможности субъекта осуществлять свою волю. Важнейшим теоретическим источником такого понимания является концепция власти М. Вебера. Немецкий ученый считал, что «власть означает любую возможность проводить собственную волю даже вопреки сопротивлению вне зависимости от того, на чем такая возможность основана» [3]. Это определение власти сегодня часто называется «классическим», по свидетельству Н. Крадина: «Другие распространенные в социологии, антропологии и политических науках определения власти также находятся в русле веберовской традиции» [2, с. 67]. Характерно, что в «Новой философской энциклопедии» в качестве исходного общего определения власти, по сути, просто приводится цитата из работы Вебера: «Власть состоит в способности индивида А добиться от индивида Б такого поведения или такого воздержания от действий, которое Б в противном случае не принял бы и которое соответствует воле А» [4].

Отметим, что подобное понимание власти, является, по сути, неизбежным следствием методологического номинализма, которого, как известно, придерживался Вебер в своих теоретических построениях, и вряд ли может претендовать на свободу от методологической предзаданности. Не случайно в западной социальной науке распространено восходящее к Т. Парсонсу толкование социологии Вебера как «атомистической и волюнтаристски-субъективистской» [5]. А российский исследователь веберизма Ю.Н. Давыдов так характеризует основную мировоззренческую установку немецкого социолога: «Что раздор и борьба – исходны и первичны, а примирение – условно и вторично, эта глубоко коренящаяся в духе большинства протестантских мыслителей мировоззренческая установка составляет фундамент также и веберовского мировоззрения» [5, с. 115].

В наши задачи не входит, конечно, общий анализ социологической теории Вебера, и, тем более, рассмотрение ее мировоззренческих предпосылок. Мы не будем судить и о том, насколько адекватно предложенное им определение власти может вписываться в ту или иную, известным образом выстроенную *идеально-типическую* конструкцию. Цель нашего анализа – показать, что оно, вопреки распространенному мнению, не может служить в качестве общего, раскрывающего сущность определения власти.

Материал и методы. Прежде всего, отметим: принципиальный для любой конфликтно-индивидуалистической концепции власти тезис о том, что власть, в сущности своей, есть производное волевых устремлений индивида, имманентно содержит то положение, что у индивида, *по природе*, имеется такое свойство, как стремление, *воля к власти*. Соответственно, если власть определяется как «способность проводить свою волю даже вопреки сопротивлению», то получаем, что у человека есть стремление к тому, чтобы обладать «способностью проводить свою волю даже вопреки сопротивлению» других. Поскольку обладание способностью может быть удостоверено только посредством ее реализации и, вообще говоря, предполагает стремление к последней, приходится утверждать, что человеку, по природе, свойственно стремление навязывать свою волю другим. Это утверждение оказывается логически необходимым для волюнтаристских, «конфликтных» концепций происхождения и сущности власти.

Однако, то, что у человека есть такое стремление, не является научно установленным фактом. Это не более чем предположение, действительное обоснование которого требует такого проникновения в «глубины» челове-

ской психики, которое представляется в принципе проблематичным.

В силу этого, основывающиеся, явно или нет, на постулировании наличия у человека стремления «проводить свою волю даже вопреки сопротивлению» «конфликтно-индивидуалистические» концепции власти не могут считаться удовлетворяющими критериям научности. Неудивительно, что Н. Луман, например, считает нужным подчеркнуть, что «наиболее важное» отличие разрабатываемой им общей теории власти от «старых теорий власти» в том, что она «не склонна приписывать власть как некое качество или способность никому из партнеров властных отношений» [6].

Показательно также, что в рамках индивидуалистических концепций власть часто определяется через понятие «господства», которое не свободно от *метафоричности* и, адекватно скорее литературно-образному, чем теоретическому стилю мышления. В русском языке слово «господство» первоначально означало «хозяйство». Ясно, что *владение* «хозяйством» не терпит произвола, а требует от хозяина, прежде всего, *исполнения обязанностей*, объективно необходимых для поддержания хозяйства в *порядке*. Так что исходные смыслы понятия «господство» отличны от тех, которые вкладываются в него волюнтаристскими концепциями власти. Недостаточная смысловая определенность понятия «господство» сочетается с тем обстоятельством, что в современном словоупотреблении ему, как правило, присущи интенсивная эмоциональная окрашенность и нагруженность негативными смысловыми коннотациями, что объективно препятствует употреблению этого понятия в качестве термина.

Если говорить о тех понятиях, которые непосредственно используются в «классическом» определении Вебера, то понятие «сопротивление» также представляется не совсем уместным для объективного анализа власти. Как термин оно имеет исключительно физический смысл, а в обыденном употреблении ему также свойственны значительная смысловая неопределенность и эмоциональная окрашенность. Включение в социально-теоретический дискурс понятия «сопротивление», вообще говоря, вряд ли оправдано, ибо не только не способствует строгости мышления, но и «размывает» демаркацию между научным исследованием и идеологическими построениями. А присутствие «сопротивления» в концептуальной характеристике власти объективно свидетельствует о механистичности такой характеристики и приводит к представлениям о «конфликтности» феномена власти. Использование в определении власти понятия «сопротивление», означаящего, в «непереносном» смысле, не что иное, как процесс взаимодействия, *столкновения* противоположно направленных *сил*, имманентно предполагает постулирование силы в качестве основы власти. Ибо любая возможность «провести» чтобы то ни было «вопреки сопротивлению», в соответствии с понятием, может иметь только одно основание, – большую, чем сопротивляющаяся, силу. Поэтому, если власть определяется как способность преодолеть сопротивление, то (вне зависимости от практически бессодержательных оговорок о «независимости от того, на чем такая способность основана») по существу своему такая власть оказывается не чем иным, как основанной на силе способностью к принуждению.

Поскольку это так, высказывание «Власть состоит в способности провести собственную волю даже вопреки сопротивлению, вне зависимости от того, на чем такая способность основана», должно быть приведено к более осмысленному виду: «Власть состоит в способности провести собственную волю посредством принуждения силой». Это высказывание, в свою очередь, также может и должно быть конкретизировано за счет устранения излишних, только затемняющих его смысл понятий «собственная воля» и «сила». Понятие «собственная воля» излишне, поскольку относится к понятию «способность», но это последнее, вообще и в данном контексте в особенности, предполагает

понятие субъекта, в котором, по определению, содержится понятие «собственная воля». Понятие «сила», вообще, подразумевается в понятии «принуждение», а в данном случае эти понятия по сути, взаимозаменяемы и одно ничего не добавляет к другому.

Таким образом, первое из вышеприведенных высказываний по своему смысловому содержанию равносильно утверждению: «Власть состоит в способности к принуждению». Понятие «принуждение» находится в одном ассоциативном ряду с понятием «господство», нередко они выступают даже в качестве синонимов. Господство, согласно современному словоупотреблению, и состоит в *способности к принуждению*. Соответственно, утверждение «Власть состоит в способности к принуждению» сводится к утверждению, что «власть состоит в господстве». «Господство», следовательно, оказывается *последним словом*, концептуальной основой индивидуалистических теорий происхождения и сущности власти. Но подобное обстоятельство, в силу отмеченных выше и, вообще-то, самоочевидных особенностей этого понятия, само по себе свидетельствует о невозможности выработки в рамках этих теорий сколько-нибудь терминологически строгого определения власти, не говоря уже о необходимости для них постулировать наличие у индивида как такового стремления к господству.

Понятие «принуждение» не в большей степени пригодно для объективного исследования, чем понятие «господство». Первому не менее, чем второму свойственны смысловая неопределенность, метафоричность и негативная эмоциональная нагруженность. «Принуждение», вообще говоря, не свободно от субъективного восприятия и субъективной оценки, в нем неустраним субъективно-эмоциональный «остаток», ибо посредством объективного наблюдения во многих случаях невозможно установить, насколько вынужденными были те или иные действия индивида.

Содержательный анализ понятия «принуждение», в свою очередь, возвращает мышление к априорно-аналитически выводимым из него (принуждения) понятиям «воля» и «сила». Принуждение, в прямом смысле, есть навязывание внешней воли силой, насилие, и, очевидно, может быть двух видов: физическое и психическое. Соответственно, принуждение может осуществляться либо посредством применения физической силы (или угрозы применения таковой), либо применением психической силы. Но понятие «психическая сила», «психическое насилие» не обладает сколько-нибудь определенным смыслом и находится вне пределов современного научного дискурса, так же, как феномен «психологического принуждения», за пределами объективно фиксируемого. «Сила», как определенное понятие, имеет сугубо физический смысл и фиксируется исключительно как физическое явление. Поэтому в утверждении «Власть состоит в способности к принуждению», претендующем на теоретический статус, более того, просто на обладание определенным смыслом, может идти речь только о способности к *физическому* принуждению, насилию.

Результаты и их обсуждение. Таким образом, можно констатировать, что конфликтно-индивидуалистические концепции власти не способны предложить иного ее понимания, чем такое, которое, по существу, отождествляет власть со способностью к принуждению посредством применения физической силы. Заметим, что схожее понимание власти свойственно поверхностным представлениям обыденного сознания, что является объективным показателем того, что данные концепции лишь по своей внешней форме, а не содержательно выходят за рамки этих представлений. Не случайно все понятия, из которых построено веберовское определение власти принадлежат обыденному языку.

Важнейшее для рассматриваемых концепций власти понятие «воля» объективно характеризует внутренний мир индивида. Внешнее наблюдение, в массе случаев, не позволяет с необходимой достоверностью установить, что

данное действие индивида, вне зависимости от того, властвующий он или подвластный, является проведением его воли. Понятие «воля» поэтому не принадлежит и не может принадлежать к терминологическому аппарату социологии или политологии, вообще, социальной науки. Характеризуя в целом основополагающий понятийный ряд конфликтно-индивидуалистических концепций происхождения и сущности власти, можно сделать вывод, что они «вращаются» в ограниченном кругу понятий: сила, насилие, принуждение, сопротивление, господство, воля – и не способны выйти за его пределы. Ни одно из этих понятий не имеет общепризнанного четкого терминологического статуса в науке об обществе. Всем им присущи смысловая неопределенность, метафоричность, интенсивная эмоциональная окрашенность и механистические или психологические коннотации.

Такие понятийные рамки слишком неопределенны, чтобы получить сколько-нибудь строгую дефиницию и слишком узки, чтобы в них можно было построить общее определение столь фундаментального феномена как власть. Не случайно, по словам современных исследователей М.В. Ильина и А.Ю. Мельвиля, «приходится признать, что приблизительность и небрежность в обращении со словом *власть* и близкими ему, по некоторым значениям, словами – *мощь*, *влияние*, *сила*, *господство* – создают немало проблем и для политической практики, и для политических наук» [7]. Эти же авторы, отмечая, что во многих определениях власти «она так или иначе связывается с *принуждением*, навязыванием своей воли, приказанием», говорят, что «подобное фокусирование внимания на директивном аспекте власти вполне понятно: это удобно для конструирования весьма простых моделей властных отношений... В этом случае, однако, возникает опасность увлечения не только простыми, но и явно зауженными трактовками власти. Нередко такие трактовки сводят власть к *господству* или даже отождествляют ее с основным средством (ресурсом) этого господства – *принуждающим* насилием» [7, с. 60]. Уточним, для придания последнему утверждению необходимой степени общности, – не «нередко», а как было показано в ходе проведенного понятийного анализа «таких трактовок», – *всегда*, с логической необходимостью, даже если, как в рассмотренном определении Вебера, понятия «принуждение», «сила», «насилие», «господство» явно не употребляются.

Лаконично подчеркнул упрощенность и узость трактовок власти, сводящих ее к принуждению, Н. Луман: «Власть следует отличать от *принуждения* к какому-либо конкретному действию» [6, с. 18]. Показательно и мнение известной исследовательницы Х. Арендт. «Я считаю довольно грустным тот факт, – пишет она, – что наша терминология не проводит различия между такими ключевыми словами, как *власть*, *мощь*, *сила*, *авторитет* и, наконец, *насилие*. Все они относятся к различным феноменам... Использование их в качестве синонимов не только указывает на определенную глухоту к лингвистическому значению, что само по себе достаточно серьезно, но также ведет к своего рода слепоте в отношении реальностей, которым они соответствуют» [7].

С этим суждением, думается, нельзя не согласиться. Действительно неадекватность понятийного аппарата научной теории неизбежно ведет ее к «своего рода слепоте» в отношении той реальности, которую она исследует.

Заключение. В целом проведенный анализ позволяет сделать вывод, что преобладающие в современной науке «конфликтные» концепции власти предлагают слишком узкие трактовки последней, сводя ее, по существу, к способности к принуждению, что, вообще говоря, может оказывать негативное влияние на политическую практику. Выработка адекватного понимания власти в рамках подобных трактовок представляется вряд ли возможной. Для решения этой задачи необходимо переосмысление понятийно-терминологического аппа-

рата социальной науки в сфере исследований власти, что может иметь не только сугубо теоретическое, но и практическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Технология власти.** – М., 1995. – С. 6–7.
2. **Крадин, Н.И.** Политическая антропология / Н.И. Крадин. – М., 2001. – С. 139.
3. **Куббель, Л.Е.** Очерки потестарно-политической этнографии / Л.Н. Куббель. – М., 1988. – С. 29.
4. **Власть** // Новая философская энциклопедия. – М., 2000. – Т. 1. – С. 418.
5. **Гайденко, П.П.** История и рациональность / П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдов. – М., 1991. – С. 151.
6. **Луман, Н.** Власть / Н. Луман. – М., 2001. – С. 29.
7. **Ильин, М.В.** Власть / М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль // Психология и психоанализ власти. – Самара, 1999. – Т. 1. – С. 55.

S U M M A R Y

The article investigates the «conflict» concepts of power genesis and essence. The analysis of logical and theoretical fundamentals of its spontaneous interpretations based on the power definition proposed by M. Weberis is given. Principal narrowness of these interpretations is shown.

Поступила в редакцию 1.07.2009